

УДК 94(571.6); 94(47)

Постников В.В.

**К осмыслению названия "Владивосток":
историко-политические образы
Тихоокеанской России**

**To the comprehension of the name "Vladivostok":
historical and political images of the Pacific Russia**

Даётся анализ происхождения названий "Залив Петра Великого", "Владивосток", "Тихоокеанский Константинополь" и др. Высказывается предположение, что основу для этих названий дали известные с 1850-х гг. представления о Тихоокеанском бассейне, как о главном регионе международной жизни в будущем, о необходимости развития морских сил России, и о большом значении Дальнего Востока для России.

Ключевые слова: *"Залив Петра Великого", "Владивосток", "Тихоокеанский Константинополь", идеология дальневосточной политики России, история Дальнего Востока России, Н.Н. Муравьев-Амурский, история азиатско-тихоокеанского региона, историко-политические образы*

The analysis of the names "Peter the Great Bay", "Vladivostok", "Constantinople of Pacific", etc. is carried out. The suppositions that the base of these names gave famous from the 1850s ideas of the Pacific Rim as the main region of the international life in the future, of the necessity of development of sea power of Russia, of the great meaning of the Far East for Russia are expressed.

Key words: *"Peter the Great bay", "Vladivostok", "Constantinople of Pacific", ideology of the Far East policy of Russia, history of the Russian Far East, N.N. Muraviev-Amurskiy, history of the Asia Pacific region, historical and political images*

Изучение географических названий, их происхождения и смысла является необходимой частью научного знания. Интерес в этом плане представляют названия, которые являются важными символами Дальнего Востока России – "Владивосток", "Залив Петра Великого", "Босфор

Восточный" и др. Но, несмотря на широкую известность этих топонимов, их смысл для нас во многом закрыт. Почему залив, о котором Петр I никакого понятия не имел, был назван заливом Петра Великого? Почему маленький военный пост получил громкое название Владивосток, и как могли возникнуть преувеличенные сравнения этого пункта с Константинополем? Вероятно, происхождение указанных названий связано с особыми политическими представлениями своего времени, которые нам важно понимать и знать. Изучая различные частные аспекты освоения региона, зачастую мы забываем, с какими общими представлениями и идеями, и в конечном счете – целями сюда шли люди, и, не понимая этих людей, не понимаем историю. Цель нашего исследования – объяснить названия "Залив Петра Великого", "Владивосток", "Тихоокеанский Константинополь" через раскрытие политических представлений середины XIX в. Для нас этот вопрос представляет интерес как изучение идеологии российского присутствия и политики на Дальнем Востоке.

В популярной литературе и в Интернете существует немало комментариев по этому вопросу, и во многом мы повторим известные интерпретации, но со своей стороны предлагаем логическое объяснение и научный анализ известных названий, основанных на изучении исторических, общественно-политических представлений и политического контекста того времени.

Данная тема может быть интересна и тем, что история принятия этих топонимов малоизвестна и слабо документирована, поэтому для определения изначального смысла указанных названий нужны дополнительные исследования. В качестве предисловия необходимо привести краткую историческую справку. Принятие рассматриваемых названий, как и в целом присоединение приамурско-приморской окраины, во многом было субъективным актом ген.-губернатора Н.Н. Муравьева. Поэтому понимание исследуемых топонимов – это в основном изучение и реконструкция политических воззрений Муравьева-Амурского, который, по свидетельству современников, делал "много для блеска, для популярности" [3, с. 19]. Основная часть этих названий была дана в июне 1859 г. в ходе морской экспедиции Муравьева-Амурского по побережью Приморья с целью определения более точных границ России с Китаем. Авторство названия "Залив Петра Великого" приписывается Муравьеву-Амурскому [4, с. 556]. Известны его комментарии, адресованные русскому посланнику в Пекин, о значении акватории залива Петра Великого для России: "Все это пространство берега, от Посыета до Поворотного мыса, верст на 200, изобилует прекрасными заливами и гаванями, столь привлекательными для морской державы, что англичане все захватили бы... Для нас важность эта представляет возможность учреждения поселения мореплавателей, к чему и должно нам стремиться..." (июль 1859) [4, с. 558]. Также было принято название "Владивосток". В общем, известно, что вопрос о большинстве названий в заливе Петра Великого был решен в 1859 г. [1, с. 31], но в любом случае, названия "Золотой Рог" и "Босфор восточный" точно звучали уже в 1860 г. [1]. Образное определение "Тихоокеанский Константинополь" было сформулировано позднее, но "царьградские" названия стали основой этого соотношения изначальное. Приведем фрагмент одного из наиболее ранних и выразительных комментариев о характере и смысле этих названий: "Знаменитая Севастопольская гавань и "Золотой Рог" в Босфоре должны уступить первенство здешним гаваням и бухтам. Вблизи этих гаваней местность покрыта девственными тропическими лесами, перевитыми лианами... Какая великолепная будущность таится в этих доисторических лесах в связи с великолепнейшими гаванями мира! Недаром этот лабиринт заливов носит название Петра Великого, недаром лучший из портов на-

зван Владивосток, потому что здесь колыбель нашего флота на Тихом океане, русского значения на его широком лоне, незапертом пушками Зунда, Гибралтара и Дарданелл, и нашего владения Востоком. Здесь все дары природы сосредоточены в одну группу и способны развить сильную колонизацию и сильное торговое движение" (публицист Д.И. Романов, "С.-Петербургские ведомости", июль 1859 г.) [13, с. 22]. Как видно, исследуемые названия и их восприятие отражали представления о великом историческом и политическом значении приобретенного региона. Но кроме богатых ассоциаций и преувеличений, они не дают рационального объяснения роли и значения этих мест.

Название "Залив Петра Великого" обращает на себя внимание не только громким звучанием, но и своим парадоксальным присутствием на территориях, которые не имели никакого прямого отношения к деятельности Петра I. Каким образом имя Петра I могло быть связано с данным регионом?

Знакомство с материалами первой половины XIX в. об истории освоения Дальнего Востока и развития русского мореплавания на Тихом океане обращает внимание, что имя Петра I упоминается часто, как идеологическое обоснование этих действий: "Император Петр I предприняв разрешить догадки ученого света и вопрос Санкт-петербургской и Парижской Академий: соединяется ли Азия с Америкой, – имел ввиду не одно любопытство; но искал познакомить Россиян с Восточными морями, с народами еще неизвестными, обитающими в тех странах, и завести с ними выгодный торг" [11, с. 306]. Известно, что многие устремления имперской политики России в XVIII-XIX вв. проходили под именем Петра I, и это относилось к дальневосточному региону: "Всеобъемлющие Петра Великого попечения о пользе и славе России, как известно, обращаемы были и на крайние восточные ее пределы, установлено сообщение Сибири с Камчаткою морем из Охотска, посланы суда для обозрения Курильских островов, и перед самую кончину, Создатель флота, подписал Указ, об отправлении Капитана Беринга для дальнейших изысканий..." [10, с. 214]. Плаванья В. Беринга, И.Ф. Крузенштерна, В.М. Головнина и др. представлялись в то время как продвижение воли Петра I, и Муравьев-Амурский понимал себя как продолжатель его дела – утверждения величия Российской империи и развития морских сил России на Тихом океане. Как видно, в первой половине-середине XIX в. в России существовал стереотип связи имени Петра I и освоения Дальнего Востока, и поэтому название "залив Петра Великого" звучало вполне логично по понятиям того времени. Надо полагать, в основе образа Петра Великого в данном случае находится идея морского могущества. В 1859 г., в ситуации неопределенности, когда нужно было принимать решительные действия для окончательного разграничения с Китаем и присоединения морского побережья, имя Петра I было использовано как напоминание о необходимости развития морских сил России, что во многом зависело от наличия удобных гаваней и их стратегического положения, и это был главный аргумент в пользу присоединения восточного маньчжурского побережья к России. Это было образное объяснение значения этих мест для России. Возникла ситуация, когда к региону оказался применим известный петровский лозунг: "Всякий Потентант, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет". Название "залив Петра Великого" мы предлагаем понимать следующим образом: именем главного идеолога морского могущества России – Петра Великого, Россия утверждается на Тихом океане, и новооткрытая акватория наиболее подходит для развития морских сил России, для воплощения идей Петра I. Такое понимание ситуации было характерным. Идеи о том, что "Приобретение Приморской области важ-

но для будущего морского значения России" и о необходимости развития флота на Тихом океане развивали и другие деятели флота, например И.Ф. Лихачев в 1859-1861 гг. [5, с. 30, 117].

Ассоциации с образом Петра I поддерживали и другие идеи. Муравьев-Амурский с 1848 г. развивал идеи об особом значении устья Амура для развития всей Сибири: "все будущее благоденствие Восточной Сибири заключается в верном и удобном сообщении с Восточным океаном" (из докладной записки ген.-губ. Муравьева императору Николаю I, 1849 г.) [4, с. 206]. Существовало ассоциативное сравнение: присоединение устья Амура и Приморья имеет такое же значение для развития Сибири, как и для всей России прорыв на Балтику при Петре I – роль окна в мировое сообщество, в международное экономическое и политическое взаимодействие [6, с. 4]. Открытие "окна в Азию" понималось как действие, продолжающее политику Петра I в тихоокеанском направлении. В целом образ Петра выражал идеи обновления, модернизации, радикальных перемен к лучшему, чего ждала вся Россия и Сибирь с приходом к власти Александра II, и развитие дальневосточной политики понималось современниками как одно из направлений этого обновления страны [3].

С идеей развития морских сил России связано название **"Владивосток"**.

Первый и очевидный смысловой пласт этого названия – идея укрепления российской власти над Сибирью, необходимости защитить ее морское побережье. Муравьев-Амурский утверждал, что основанием русской крепости в устье Амура и организацией флотилии на Тихом океане "на вечные времена было бы обеспечено для России владение Сибирью и всеми неисчерпаемыми ее богатствами..." (1849) [4, с. 207]; "Таким только образом внутренние области Восточной Сибири будут вполне обеспечены от всяких покушений иностранцев со стороны моря" (1857) [14, с. 73]. Однако если сначала роль форпоста придавали устью Амура, то в дальнейшем было решено, что нужно основать более удобный военный порт, который нашли во Владивостоке. Поэтому, в названии "Владивосток" отразились изначальные идеи Муравьева об укреплении российской власти в регионе, по аналогии с Владикавказом – названием, хорошо знакомым Муравьеву по его службе на Кавказе. Таким образом, в самом прямом, первоначальном значении, задуманном Муравьевым, название "Владивосток" означает символ укрепления власти России над ее восточными регионами, связанными с тихоокеанским побережьем.

Во-вторых, в названии Владивосток отразилась конкретная международная обстановка конца 1850-х гг., и оно приобрело внешнеполитическое звучание. Если идея "внутренней" роли форпоста формировалась с конца 1840-х гг., то спустя десятилетие ситуация изменилась. После поражения в Восточной войне (1853-1856) Россия должна была создавать новый баланс международных сил, и ее дальневосточная политика приобрела характер участия в международной "большой игре". После этой войны стало очевидно, что главный внешнеполитический враг России – Британия. Естественное стремление к защите интересов Российской империи после 1856 г. привело к противодействию британской политике на Востоке. Россия стремилась участвовать в международной политике вокруг Китая в 1856-1860 гг., и дипломатическими средствами приобрела "буфер", который препятствовал укреплению Британии на Дальнем Востоке – территории Приамурья и Приморья. Уже один Айгунский договор (1858) вызвал "фурор" у международной общественности, которая представила это событие как выдающееся, значительное. Ф. Энгельс в своей статье "Успехи России на Дальнем Востоке" (1858) утверждал: "Совершенно ясно, что Россия быстро становится первенствующей державой

в Азии и весьма скоро затмит Англию на этом континенте ... Приобретенные таким образом стратегические позиции имеют такое же важное значение по отношению к Азии, как позиции в Польше по отношению к Европе. Обладание Туркестаном угрожает Индии; обладание Маньчжурией угрожает Китаю. А Китай и Индия, с их 450 000 000 жителей, являются в настоящее время решающими странами Азии" [15, с. 641]. Сам инициатор этих событий, Муравьев, успехи своей деятельности оценивал как триумф, и в знак этого в Иркутске была поставлена триумфальная арка – "Амурские ворота". Присоединение Приморья, которое клином врезалось в азиатский континент, и выводило границы России к основным странам и морским путям Восточной Азии, обещало еще большие преимущества. Таким образом, название "Владивосток" было принято в ситуации, когда Россия ощущала свои возможности, успехи, это название говорит о том, что Россия укрепляется в стратегически важном месте, которое позволяет контролировать азиатско-тихоокеанский регион, занимает первенствующее политическое значение на Дальнем Востоке и Тихом океане. Это название звучало тем более выразительно, поскольку Владивосток заменил собой бывший английский порт Мэй. Ситуация "символической войны" держав, в ходе которой были заменены названия "Залив Виктория" (на "Залив Петра Великого"), "Архипелаг императрицы Евгении" (во главе с островом, получившим в 1859 г. название "Русский") и др., во многом объясняет принятые топонимы. Поэтому название "Владивосток" в значительной мере стало выражением успехов России в международной политике, символом реванша и провозглашением идеи имперского величия России в Азии.

Представления о международном и историческом значении Владивостока выражают **ассоциации с Константинополем**.

Важно отметить, что существовал влиятельный общий культурный контекст, который обуславливал употребление образа Константинополя в российской политике. Известно, что формальной целью политики Российской империи было обладание выходом к морям, проливами и Константинополем. Эти идеи стали основой ее внешнеполитической идеологии и отражались на политических событиях в разных регионах. Еще взятие Казани Иваном Грозным было представлено как символическое возмещение утраты Царьграда, а борьба за Азов в XVII в. ассоциировалась с дальнейшим освобождением Константинополя. Прямым текстом эти идеи прозвучали в "греческом проекте" Екатерины II. Поэтому внешняя политика России зачастую сопровождалась символическими образами возрождения, возвращения Царьграда (применительно к наиболее важным, имеющим историческое значение событиям). Эта ситуация повторилась в середине XIX в. на Дальнем Востоке.

Кроме общих причин, очевидно, что в исследуемых названиях отразилась конкретная политическая ситуация – Восточная (Крымская) война (1853-1856), начатая против Турции по идейным соображениям защиты православия. Начало освоения южных территорий российского Дальнего Востока в 1854 г. связано с ведением военных действий, и "византийско-православные" ассоциации сопровождали этот процесс. Поражение в войне стало жестоким ударом по престижу российской империи, и требовало компенсации. Продолжением имперской войны в символической сфере было принятие "византийских" названий "Золотой Рог" и "Босфор восточный". Принятие этих названий можно понять двояко: как символическое возмещение поражения и как намек на будущее значение этих мест. На первый взгляд, странно было бы представить Новый Константинополь на далекой периферии цивилизации, но в ситуации невозможности обладания Царьградом, и разочарования в европейской политике, могла возникнуть идея о его переносе. Вероятно,

допускалась идея о том, что Царьград можно воссоздать на новом месте, как сам Константинополь (Новый Рим) в свое время был перенесением и воссозданием Рима, но на месте, которое соответствует этому по значению. Это место должно играть особую политическую роль, например, быть геополитическим узлом, иметь международное значение. Но могли тихоокеанский, периферийный в то время регион представляться в такой роли?

Как известно, Восточная война стала причиной переосмысления геополитических ориентиров и приоритетов международной политики. Она показала, что главным регионом имперской борьбы должны быть не Средиземноморье или Европа, а Восток – страны, наиболее богатые ресурсами для капиталистической эксплуатации, и занимающие важные геополитические позиции [2, с. 36-37, 43-71]. Поэтому доминирование в Азии стало главным вопросом международной политики, и Россия показывала значительные успехи в этом вопросе. Кроме этого, технический и экономический прогресс в Европе и Америке в середине XIX в. привел к формированию новой картины мира и геополитических представлений. Развитие парового транспорта открывало новые географические и политические горизонты. В 1840-1850-х гг. в международный политический процесс оказались включены Китай и США, Дальний Восток и Тихоокеанский бассейн. Это стало основой для развития представлений о постепенном переходе центра международной активности на Тихий океан, в АТР, и значит, стратегические позиции, приобретенные здесь, должны иметь особое значение. Место на стыке таких важнейших регионов мировой политики, как Азия и Тихий океан (подобно Европе и Азии в эпоху Средневековья) в то время должно было пониматься как действительно важное. И поэтому опорный пункт, приобретенный Россией на Тихом океане, вполне можно было бы сравнить по своему значению с Константинополем эпохи Средневековья.

Вероятно, "царьградские" ассоциации в дальневосточной топонимике того времени связаны с известным с 1850-х гг. определением Тихого океана как "Средиземное море будущего". Эта идея возникла в международной общественной мысли в середине XIX в., и связана с развитием тихоокеанской Америки, активизацией политической жизни в регионе. В России эта идеологема стала известна после 1853 г. через нелегальные сочинения А.И. Герцена, который развивал идеи наступления нового исторического времени – упадка европейской цивилизации и начала эры российско-американского сотрудничества на Тихом океане [12]. В ситуации конфликта с европейскими державами, дружественных отношений с США, и усиления роли тихоокеанского бассейна в международной политике, идеи кардинальной смены геополитических ориентиров могли находить поддержку, вероятно, их разделял и Муравьев. Например, П.А. Кропоткин сообщает, что идеи Герцена свободно обсуждались иркутской общественностью в середине XIX в., и были известны Муравьеву, который руководствовался подобными идеями: "Муравьев задумал <...> занять для России прочное положение на берегу Тихого океана и вступить, таким образом, в сношения с Соединенными Штатами" [9, с. 172]. Так мы предполагаем, что через образ "Тихий океан – Средиземное море будущего" можно понять исследуемые названия, в нем сходятся все интересующие нас ключевые названия-образы. Например, если мы представим, что Тихий океан – это "Средиземное море будущего", то тогда становится понятен образ Петра Великого, который ведет Россию в самый перспективный регион международной жизни, понятен образ Владивостока – Тихоокеанского Константинополя как центра нового главного региона международной политики, где ведущую роль играет Россия – наследница Византийской империи. Это во многом объясняет

одиозное звучание рассматриваемых названий.

Таким образом, мы видим, что рассматриваемые названия являются фрагментами неких общих представлений об историческом значении Тихого океана для России. Эти представления складываются в более-менее определенную и цельную концепцию историко-политической ситуации на Тихом океане в середине XIX в. Основа этой концепции – идея формирования нового центра мировой политической жизни на Тихом океане, организованной участием европейских морских держав, Китая, России и США. Вторая основа этих названий – идея развития морских сил, как важнейшего орудия международной политики и национальной безопасности России.

Так мы возвращаемся к образу Петра Великого. Рассмотренные названия отражали ощущение наступления новой исторической эпохи. Это было время, когда в глазах политиков формировалась новая картина мира, вернее – будущая мировая политическая и экономическая система, когда развитие парового транспорта сократило расстояния и политики стали мерить землю не странами и морями, а континентами и океанами, и когда после Крымской и опиумных войн с большей очевидностью выделилась роль флота в международной политике. В этих условиях имя Петра Великого звучало вполне актуально, напоминало современную ему историческую ситуацию, когда России требовался выход на международную арену того времени. Образ Петра Великого на дальневосточном побережье в своем содержании включает и другие сопутствующие названия, выражающие идею овладения Восточным (Великим, как его еще называли) океаном, идею лидерства Российской империи на международной сцене. Его имя выразило идею решительного прорыва в будущую, формирующуюся мировую политическую систему, и роль дальневосточного региона в этом представлялась весьма значительной. Употребление имени Петра на неосвоенном дальневосточном побережье мы можем объяснить только тем, что дальневосточная политика России в середине XIX в. понималась авторами исследуемых топонимов как явление общероссийского, исторического масштаба, как один из приоритетов национального развития, и речь шла не собственно о регионе, а обо всей России, которая должна развивать свои государственные интересы в новых условиях, в новом направлении. Такой вывод не является преувеличением, и не противоречит общественно-политической ситуации в России того времени, поскольку известно, что "амурский вопрос" был одним из актуальных в России в 1850-х гг., наряду с проблемой крепостного права. При этом важно отметить, что рассматриваемые представления не были широко распространены. Вполне понятно, что их главными идеологом и носителями были Муравьев-Амурский и его окружение.

Один из важных аспектов исследуемых политических представлений – гигантомания. События, связанные с решением амурского вопроса вызывали интерес у многих россиян. Поэтому у участников освоения новоприсоединенных земель нередко возникали преувеличенные представления о масштабах происходящих событий. Это отразилось в известных одиозных названиях, и они по-своему создавали дополнительные "обороты" для преувеличений. Поэтому зачастую в реальности происходили действия, отражавшие не объективную, а желаемую ситуацию [7]. Как памятник политической гигантомании того времени Кропоткин описывает церковь в Софийске (Приамурье) в 1864 г.: "Церковь грандиозная, саженьх на 12, если не больше, но недостроенная и предоставленная гниению в виде почерневшего сруба. Рядом – другая, миниатюрная, но миленькая церковь – достроенная; большие затеи оказались не к лицу для города, в котором, кроме весьма немногих служащих, никого нет" [8, с. 175]. Этот пример вместе с приведенной выше цитатой

Д.И. Романова показывает преувеличенные ожидания от колонизации новых земель. Это же объясняет многозначные, громкие названия, рассмотренные нами. В представлении некоторых в регионе строили некую новую Византию, имеющую международное значение, на самом же деле происходило простое военно-политическое занятие далекой неосвоенной колонии, наполненное будничной тяжелой работой, без излишнего пафоса.

В целом мы можем сделать вывод, что рассмотренные названия являются комплексом, который образует сложную историко-политическую концепцию, даже политический миф, который нужно по-своему понимать. Приведенный анализ и интерпретации показывают, что эти топонимы предполагают особую и достаточно широкую концепцию нового облика России и миропорядка. Важно отметить, что основное авторство этой концепции принадлежит Муравьеву-Амурскому. Но эта картина была далека от реальности, поскольку дальневосточные территории России были слабо развиты и не могли претендовать на роль какого-либо политического центра. Смысл названия "Владивосток" мы должны понимать не как предполагаемая "столица Востока", а как символ "владения Россией Востоком", военно-политического присутствия Российской империи на Тихом океане, но не столица региона, а другие сопутствующие названия – как выражение идеи великого будущего значения региона для России.

Рассмотренные факты в основном относятся к 1850-м гг., но имеют более широкое значение. В своей основе представленная ситуация повторилась в 1880-х гг. и стала отправной точкой уже не символического, а практического освоения российского Дальнего Востока. Политическая ситуация конца XIX в. придала новую жизнь рассматриваемым названиям, что связано с развитием представлений о АТР как о главном регионе мировой политики с конца XIX в. и о ведущей роли морских сил в международной политике [12].

Данное исследование только намечает общие аспекты вопроса. Дальнейшие исследования предполагают конкретизацию и более детальный анализ фактов и образов с целью выявления объективной картины исследуемых политических представлений.

Представленные названия и концепция являются не только памятниками историко-политической мысли, но имеют и связь с современностью. В ходе исторического развития тихоокеанский бассейн действительно стал важнейшим регионом мировой жизни, и его значение продолжает расти. Это придает актуальности изучаемым названиям, которые возвращают нас к вопросу о роли России в АТР и о значении АТР для России.

Литература

1. Алексеев А.И. Как начинался Владивосток / Под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1985. 224 с.
2. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М.: Военный университет, Русский путь, 2003.
3. Бараболя Е.В. Российская политика на Дальнем Востоке в середине XIX в. // Россия и АТР. 2009. № 4. С. 17-27.
4. Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его

письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). Книга I. СПб.: Синодальная типография, 1891. 672 с.

5. Болгурцев Б.Н. Русский флот на Дальнем Востоке (1860-1861 гг.): Пекинский договор и Цусимский инцидент. Владивосток: Дальнаука, 1996. 136 с.

6. Владивосток, 1885 г. № 24.

7. Добролюбов Н.А. Путешествие на Амур, совершенное Р. Маком // Сочинения Н.А. Добролюбова. Т. III. Изд. 7. СПб.: Изд-е П.П. Сойкина, Б.г. (без года). С. 158-174.

8. Кропоткин П.А. Дневник. М.-Пг.: Государственное издательство, 1923. 284 с.

9. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 526 с.

10. О медалях в память знаменитых происшествий до флота относящихся // Записки ученого комитета главного морского штаба Его императорского Величества. Ч. X. СПб.: Морская типография, 1833. С. 214-220.

11. О плавании российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея; также и от города Архангельска к Востоку по Ледовитому морю, с 1734 по 1742 год // Записки издаваемые, Государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности. Ч. 4. СПб.: Морская типография, 1820. С. 306-378.

12. Постников В.В. Тихий океан как "Средиземное море будущего": история идеи (середина XIX – начало XX вв.) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 105-114.

13. Хисамутдинов А.А. "Владивосток". Этюды к истории старого города. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1992. 328 с.

14. Шиндялов Н.А. Основатели Благовещенска. Очерки, документы, материалы. – Благовещенск: ОАО "Амурская ярмарка", 2006. 184 с.

15. Энгельс Ф. Успехи России на Дальнем Востоке // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12. М.: ГИПЛ, 1955-1966.